

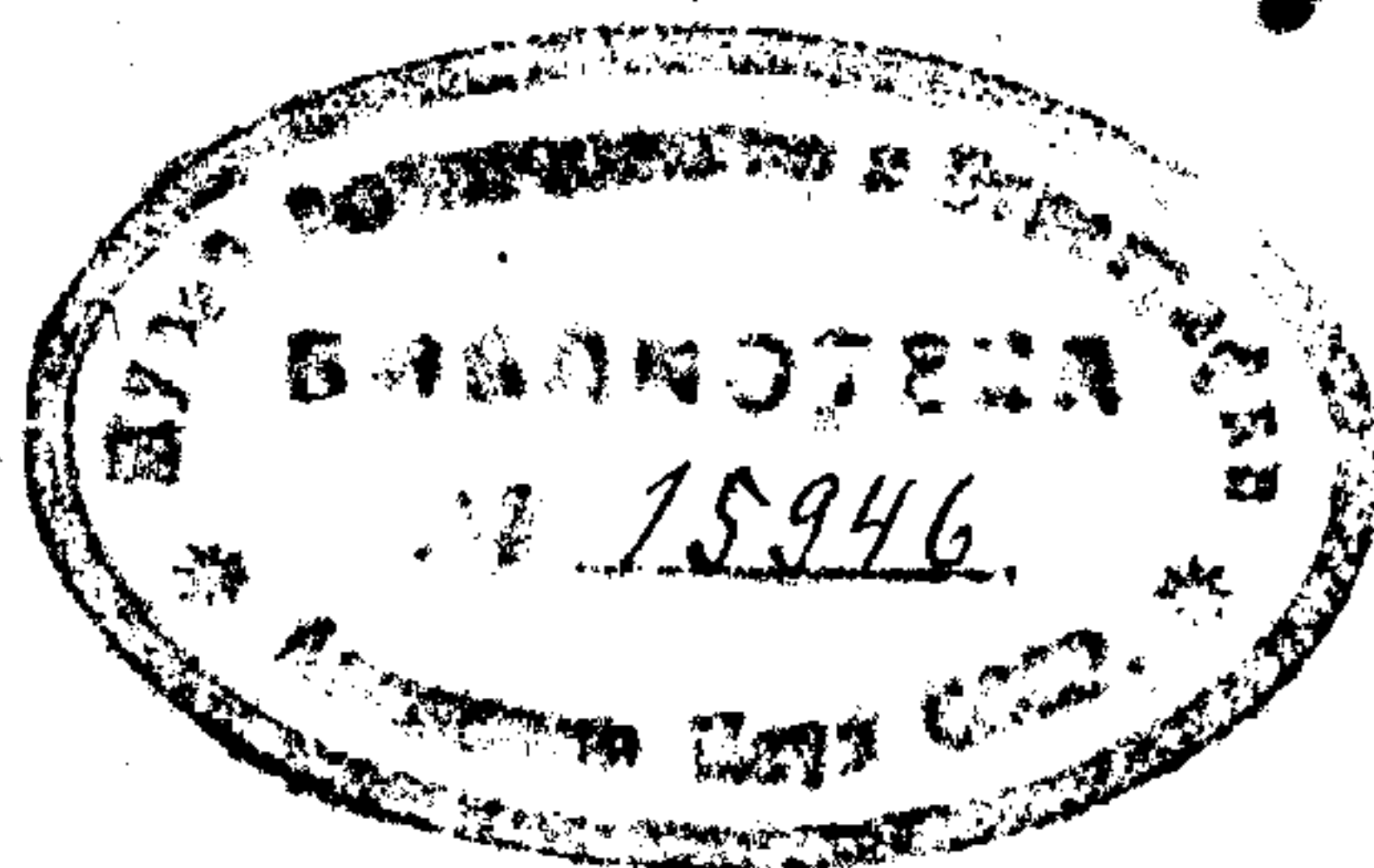
КУЛЬТУРА И

~~Л. 2323.~~

ПИСЬМЕННОСТЬ

ВОСТОКА

Книга V.

ИЗДАНИЕ В.Ц.К. Н.Т.А.

БАКУ—1929.

Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков.

Зверовый промысел у алтайских турков занимает видное место в хозяйственной деятельности с давних времен. Это обстоятельство нашло отражение и в их духовной жизни, в результате чего зверовый промысел приобрел глубокое, религиозное окружение, вылившееся в особо установленный охотничий ритуал. Отношение туземцев к этому занятию, резко отличается от отношения к нему их соседей, русских, находящихся в непосредственной близости с ними. Религиозное наполнение этого промысла настолько обширно, что он в понятиях туземцев, представляется священным. Вот почему они никогда не допускают в отношении его хвастовства, вранья, насмешки и пр. Даже в тех случаях, когда промышленник отправляется на охоту, он не находит возможным говорить кому-либо, за исключением родных, о настоящей цели своей поездки. Поехать на промысел необходимо чистым. У алтайцев перед отправлением на промысел нельзя иметь сношения с женщиной. Того же самого придерживаются шорцы и кумандинцы. У рода Челе (Шория), после родов, в течение недели, женщине не дают мясо зверей в пищу, ибо она в это время не чистая и муж может лишиться удачи на охоте. Женщина не должна дотрагиваться до ружья и до сети для ловли соболя. Когда летом сеть эту развешивают сушиться, и она случайно упадет от ветра, ни женщина, ни девочка не имеют права ее поднять. К орудиям промысла и к одежде охотника туземцы относятся весьма почтительно. Ни ружье, ни сеть, ни ловушку никогда не бросают, а вешают или кладут тихо и хранят вместе с охотничьей одеждой в амбаре, не занося в дом.

Алтайские турки особенным образом относятся к зверям и совершенно исключительно к медведю. До настоящих дней у них сохранились еще довольно свежие пережитки развитого культа поклонения медведю. Нами этому посвящен особый очерк.¹⁾ По представлению алтайских турков звери, особенно ценные, могут слышать и понимать человеческий разговор, поэтому туземцы имеют для промысла условный язык, где звери, а также и некоторые предметы охоты называются условными именами: чаще всего описательными. Шорцы на промысле соболя называют албаба (доход),²⁾ вместо—киш, тубалары—алды—дикий зверь, каларцы—кара јубуртыб—черный бе-

¹⁾ Л. Потапов „Пережитки культа медведя у алтайских турков“.. „Этнограф-Исследователь“ № 2—3. Изд. Ленингр. Гос. Университета.

²⁾ Срав. Алабуга-окунь (на промысле соболя) Вербицкий. Словарь Алт. и Алад. Наречий. Казань 1884 г.

гуший, алтайцы—албуша—окунь. Или шорцы называют оленя—алаш (дятел), а паларцы—таштуј актыб (каменно копытный). Белку называют—парбак, чырбак (палец), шарбакты (когтистая).¹⁾ Ружье—күзё (зять), пулю для медведя—коламчы, что значит—подарок невесте со стороны жениха и т. д.

Таким образом туземцы Алтая вводят зверей в заблуждение, и те не чувствуют близкой опасности.

С другой стороны, все звери принадлежат духам-хозяевам (äzi) гор, лесов где только водятся звери. Весь живой мир тайги находится в распоряжении этих хозяев отдельных местностей. И результат охоты является для туземцев—проявлением расположения горных хозяев. Эта категория духов хозяев отдельных гор и местностей должна почитаться за довольно первобытную стадию в эволюции религиозного мышления, ибо здесь еще не произошло отделение этих существ от природы и они не имеют собственных имен. Тем не менее, в представлении туземцев они—антропоморфны и иногда являются охотникам, как в образе девиц, так и в образе мужском, о чем повествуют многочисленные рассказы южных и северных алтайцев. Следует оговориться, что у шорцев приходилось столкнуться с более ранней, доанимистической стадией—стадией оживотворения, когда об одухотворении говорить не приходится. Гора является живой сама по себе, она ходит к другой горе в гости, пьет вино, но это, отнюдь, не приписывается ее хозяину.

К доанимистической и наиболее ранней стадии религиозного мышления относятся и приемы симпатической магии, применяемые алтайскими турками во время зверового промысла до последних дней. Согласно определению Д. Фрезера симпатическая магия подразделяется на гомеопатическую (сходное происходит от сходного, следствие—подобно своей причине) и на контагиозную, заразительную магию, в основании которой лежит не закон сходства или подобия, как мы имели в первом случае, а закон общения или заражения. Сущность заразительной магии состоит в том, что всякое действие, произведенное над каким-нибудь материальным объектом, повторится на личности, которая хотя бы раз прикоснулась к этому предмету, независимо от того, является ли предмет частью тела этой личности или это предмет посторонний.²⁾

В дальнейшем нам придется иметь дело с обоими видами симпатической магии, которые мы соответственно отметим.

¹⁾ По сообщению Н. П. Дыренковой, шорцы еще имеют следующие условные имена: для белки „аБаш курту“—лесной червяк или „аБаш шышканак“—лесная мышь, для сохатого „узун азак ак тізек“,—длинноногий с белыми коленями.

Вербицкий в своем словаре приводит: для колонка (на промысле) „кулунак“, „кунучак“, вместо—„сарас“ (стр. 150, 151). Для хорька—којаым“, „кој аный“ купец (стр. 139), для соболя—„Аскыр“—жеребец (30), для зайца—„жірік“, вместо „кој ан“ (94).

²⁾ Джемс Фрезер „Золотая Ветвь“ вып. 1 „Магия и Религия“, стр. 37. Москва. 1928 г.

Охотник до реальности чувствует присутствие хозяина горы или тайги в лесу около себя. Ночью этот хозяин (äzi) ходит около охотничьего балагана, иногда стучит, иногда говорит,—но охотнику нельзя выйти на его стук из балагана. Ночью в тайге вдруг слышатся песни—словно играет кто-то—это хозяева тайги развеселились. Или пугает около балагана, ревет кто-то, кричит по имени—три раза. Надо промолчать—иначе душу возьмет „кудду алпарча“ и по возвращении домой придется камлать и просить душу назад. Если ходит хозяин тайги около балагана и скажет: „мне приятно угощение Ваше утреннее и вечернее, я буду вами доволен и вы мной“; значит—охота будет удачна. Если же хозяин рассержен чем-нибудь, то скажет только: „ходите в тайге“ „тајбада чөркыла“. „Тогда из этой тайги ничего не промислишь, сколько бы не маялся“—говорят шорцы. Если охотник увидит во сне на промысле, что бьет его кто-то, или толкнет,—это значит, что хозяин тайги сердится и охотник заболит. Если охотник увидит, что у него унес кто-то топор или ружье—без кимлания тому охотнику не обойтись—значит хозяин тайги забрал его душу. Если ветер и зверь разрушит балаган, то лучше уехать на некоторое время домой, все равно удачи не будет.¹⁾

Охотники относятся к хозяину тайге, его желаниям требованиям весьма предусмотрительно. По рассказам охотников горный хозяин любит покой и не выносит в тайге: шума, крика, ругани, песен, а также запаха паленого мяса, сохнувших портянок и т. д. В таких случаях он сердится—„Алтајың или тајканың äzi чугулдап јат“—говорят туземцы и лишает их удачи. Нетрудно видеть, что в основе этого представления лежат функции органов чувств зверей. Если заругаться или засмеяться громко, хозяин тайги или горы поднимет бурю.

Помимо этого, неудаче способствуют ссоры между товарищами и хвастовство. Наряду с такими запретами, имеющими для охотников оборонительное значение от гнева äzi и, следовательно, от неудачи, существует любопытный обычай наступательного порядка. Этот обычай—рассказывание сказок на промысле, имеющий целью повлиять благотворно на äzi и в результате способствовать добыче. äzi очень любит слушать сказки. Вот что рассказывают про него алтайцы „Жили два брата: „Кöсмөкчи“—ясновидец, „Кајчы“—сказочник. Они были богатыми, потому что имели всегда удачную охоту, т. к. им благоволили хозяева тайги. Однажды, когда братья охотились, Кајчы говорил ночью сказку о горных духах, к ним на стан пришел горный хозяин и оставаясь невидимым сел на его плечи, внимательно и с большим интересом слушая повествование. Он ушел лишь тогда, как только Кајчы произнес последние слова сказки и сказал: „Как я заслушался сказку и теперь мой жеребец убит“. Брат Кöсмөкчи—ясновидец наблюдавший и слышавший это не понял лишь одного, какой жеребец может быть у горного хозяина. С наступлением утра братья пошли осматривать свои „аја“ ловушки—самострелы. Они нашли их

¹⁾ Сообщено Н. П. Дыренковой.

наполненными ценными убитыми зверями. А в одной из них находился убитый дятел „Кара-Тас“, который как догадался Кёсмөкчі и есть жеребец—(ајбыр') хозяина тайги. В другом варианте этого рассказа горных хозяев трое. Все они в образе голых девиц. Кајчы так же говорит сказку, а его брат ясновидец наблюдает. Девицы садятся на плечи сказочника и лишь одна устраивается рядом с ним на корточках. Ее поза смешит ясновидца и он громко смеется. От этого девицы бросаются бежать, но решив откупиться лошадью снова приближаются. На утро братья убивают марала.¹⁾ В шорском рассказе выступает новый элемент. Здесь охотятся три брата: сказочник, ясновидец и „шоорчы“ (играющий на дудке из стебля дягиля). Вечером братья собрались на общий ночлег. Шоорчы взял дудку и начал извлекать из нее звуки, напоминающие флейту, сказочник говорил сказку, аккомпанируя себе на балалайке с волосяными струнами, ясновидец слушал. Вскоре он увидел, как к Шоорчы подошли два горных хозяина. Один из них уселся на переносицу и спустил ноги под нос, второй сел на плечи. В таком положении они слушали его игру. Ясновидцу это показалось смешным, он рассмеялся вслух отчего горные хозяева рассердившись ушли. Шоорчы перестал играть думая, что ясновидец смеется над ним. При уходе один из горных хозяев сказал: „У нас есть лошадь со стертой спиной надо отдать ее этому человеку и показал на Шоорчы. Утром в его петле оказался сохатый.

У кумандинцев эта легенда существует в нескольких вариантах. Главные лица: „шоорджы“—играющий на дудке и „кёспукчі“—ясновидец. Во всех случаях горные или лесные хозяева преимущественно в образе девиц, но есть и старики. Горных хозяев собирается много, среди них находятся и слепые и хромые. „Кёспукчі“ так же смеется над ними, „Шоорджы“ принимает этот смех на свой счет и прекращает игру. Далее охотникам следует награда за игру, или ловушки их наполняются зверями оставшихся без призора хозяев тайги.²⁾

Шорцы и алтайцы и теперь рассказывают по вечерам сказки во время промысла. И для этого берут с собой даже специального сказочника—старика.

Первоначальное же значение сказки на промысле—вероятно заклинание, как это вытекает из разбора подобного обычая у чукчей проф. Богоразом.³⁾

Каждого зверя, даже самого маленького, охотник может поймать лишь с разрешения хозяина тайги. Это в большей степени относится к крупному или дорогому зверю. Вот почему, когда убьют соболя—самого ценного зверя—охотники размахивают убитым соболем на том месте, где убили и говорят обращаясь к хозяину горы или тайги:

Абабіспа піс кёлдібіс—с отцами нашими мы пришли

¹⁾ Марал—вид оленя (благородный).

²⁾ По материалам А. Новикова.

³⁾ Лекции по эволюции религиозных верований, читанные на Этнографическом Отделении Ленингр. Государств. Университета в 1928 году.

пону пәрдин, абабіс ашкаш—эту же дал, как отцам нашим ак таскыл пәр үш үлүш¹⁾—в белой тайге дай, три части (доли).

Охота на соболя вообще сопряжена с рядом запретов и ограничений. Отправляясь за соболем, шорцы не берут с собой сухарей „аң, јолы куру полар“—дорога зверя сухая будет, т. е. снег будет сухим и след соболя на нем не будет замечен. Этот запрет вытекает из закона гомеопатической магии—подобное происходит от подобного. Беря сухари, охотники рискуют иметь дело с сухим снегом. Придя к заранее устроенному шалашу охотники сходят с лыж, оставляя лыжи лежать на снегу в направлении, по которому только что шли, лопатку или палку втыкают рядом. Если в шалаше уже кто-нибудь поселился, вновь пришедшие охотники спрашивают, на какой стороне шалаша можно расположиться. Устроившись на указанном месте, сразу же приступают к приготовлению пищи. Готовит один человек, остальные к этому не прикасаются. У каждой компании обязательно должен быть свой таган (аскыш) — деревянная палка, на которой вешают котелок для варки пищи. Задеть своим таганом об чужой нельзя, удачи не будет. Если нужно заготовить дров, идут двое. Работают осторожно, стараясь меньше производить шума. Дерево сваливают обязательно на западную сторону.

В период охоты на соболя не только соболь называется условным именем, например нельзя назвать своим именем лошадь, корову, овечку. Их называют описательно: „тпру“, „сызы бурун“—широконосая, „шабыр—карак“—выпуклоглазая.

Чувство расположения горных хозяев по отношению к охотникам усматривается последними в целом ряде различных примет, а также и в сновидениях, в верности которых они совершенно не сомневаются. В качестве иллюстрации к этому довольно будет указать на несколько примеров в достаточной степени характеризующих подобное отношение алтайцев к приметам. Известный престарелый охотник Пастагаш, живущий в вершине реки Куюма, с чувством глубокой уверенности говорил: „Увидеть во сне на охоте, человека дарящего корову или лошадь, значит непременно убить козла или марала. В том случае, если этот человек подарит шубу, можно быть спокойным в охоте на медведя“. При чем выразил убеждение, что в образе человека, во сне, является горный хозяин. В качестве дурной приметы он указал на потерю, какой-либо вещи от огня, особенно рукавицы, после чего Пастагаш считает необходимым немедленно уехать домой с тем, чтобы вскоре возвратиться обратно. Вероятно в этом случае мы имеем дело с примером заразной магии. Если вещь, находившаяся в соприкосновении с охотником потерпела неудачу, то это же ожидает и охотника. Некоторые охотники в подобных случаях делают „потко“ мешанину из толочна и кропят ею с целью умиловливания духа такой жертвой. Но, если и после этого сталкиваются с какой-либо неуда-

¹⁾ Сообщено Н. П. Дыренковой.

чей, тоже уезжают домой, ибо теряют всякую надежду на успех и Возвращаются назад только спустя некоторый промежуток времени. Сообщая такие сведения Пастагаш, для большей убедительности, привел известный ему случай с одним из выдающихся охотников, живущем на реке Башкаусу, который, убивши в течении своей жизни более сотни маралов, однажды, будучи на охоте, увидел себя во сне укравшим двух лошадей из незнакомого ему табуна. Проснувшись на утро, он вскоре убил двух маралов. В этот же день он опять увидел себя во сне ворующим лошадей из того же табуна. Но теперь его задержал какой-то не известный человек, который грубо спросил: „зачем так много воруете лошадей из моего табуна“. И напомнив ему о последней краже сильно ударил его по лицу, так что тот проснулся от боли и почувствовал резь в глазах. С той поры он ослеп. Ему пришлось иметь дело с äзі. В этом рассказе на ряду с доказательствами, подтверждающими значение слов, проводится мысль и об ограничении истребления зверей, особенно крупных, потому что они составляют наиболее ценную собственность горных хозяев. Другой охотник „Пилимен“—(Филимон), живущий тоже по реке Куюму, с не меньшей убедительностью высказался за веру в сновидения; 27 дней бродил он по тайге с товарищами и ничего не мог убить, хотел домой вернуться. Вдруг Пилимен видит сон: старик ему жеребца дарит. На другой день марала убил. Пилимен считает: видеть во сне овечку или корову значит обязательно убить козла, если же лошадь—марала. Из других примет он особенно горячо высказался за ту, сущность которой заключена в особой отметке внешнего вида. Таковыми могут быть белые полосы на шкуре или шерсти рогов козла и марала, или, что крайне редко бывает, это—дырка в ухе. Убить такое животное,—значит иметь „ерденё—материальное счатъе, другими словами очень разбогатеть. Сомневаться в верности этого нельзя, так как хорошо ему знакомый, умерший Арыкоп—живший неподалеку от него, разбогател вслед затем, как только принес домой убитого марала с белой полоской на шерсти. А известный ему охотник, живущий в вершине реки Эликмонара не знал больше что такое нужда, с тех пор, как убил марала с белой отметкой на рогах.

Любопытно, что в большинстве случаев у кумандинцев и шорцев видеть во сне продукты скотоводческой и земледельческой культуры значит иметь неудачу в промысле. Например, хлеб печеный, муку, пшеницу, мельницу, кошеную траву, молоко, творог, масло, водку русскую, наконец, местами, корову, овечку, свинью и т. д. Напротив, ловить птиц, рвать осоку для заворачивания ног, вместо онучей, собирать кедровый орех—все это сулит несомненный успех. А. Новиков отмечает повсюду у кумандинцев, а также соприкасающихся с ними, тубаларов и у шелканцев, один сон, который наверняка предвещает охотничью удачу—это видеть себя запачканным в человеческом экскременте. Есть еще один сон, предвещающий непременно удачу в промысле. Сон этот: иметь половое сношение с женщиной. Значе-

ние этого сна мы встретили у всех алтайских племен. Мы сделали предположение, что в образе женщины, во сне охотнику является хозяин гор или тайги, т. к. в рассказах алтайских турков горные хозяева весьма часто предстают в образе женщин. Тогда значение этого сна приобретает полную обоснованность. Во время составления настоящего очерка мы получили прекрасное подтверждение нашему предположению от А. Новикова, который записал у кумандинцев несколько вариантов рассказа, где совершенно определенно говорится о половой связи охотника с хозяином горы в образе женщины. Мы приведем один из этих вариантов в кратком виде.

Три брата промышляли возле горы Актабан (р. Бия). Однажды один из них забрел в пещеру, встретил там девушку и имел с ней половое сношение. Охотник остался у нее жить и в течении двух лет не промышлял, но каждый день у них было на обед мясо. За это время он имел от нее двух сыновей. Как-то раз охотник решил проследить, откуда жена достает мясо на обед и увидел, что она вырезает его у себя под пазухой, потом кладет в котел. Охотник закричал „Что ты делаешь?“—Жена испугалась его крика, упала на пол и сказала „Больше Вам пищи не будет, ешьте последнее. Забирай сыновей и уходи отсюда“. Произнеся эти слова она, умерла. Это была—хозяин горы.

Для обозначения счастья у алтайских турок существует несколько терминов: „Ырыс“ или в произношении северных алтайцев (шорцев) „рыс“, „ердёнё“, „кастак“.

„Ырыс“, или „рыс“ это—охотничья удача, успех. Иметь „ырыс“ значит быть удачливым в охоте, метко стрелять, часто встречать зверя. „Ырыс“ трудно представить не отвлеченно. Оно не имеет материальных форм, но в то же время может уплыть по воде из котелка где оно живет. Алтайцы поэтому не зачерпывают котелком воду из ручья, боясь лишиться „ырыс“, а наливают чашкой. Теленгиты и кумандинцы следят, чтобы котел с пищей не перекипел, иначе уплывет в огонь „ырыс“. Тубалары и шорцы кроме этого, никогда не выбрасывают из котелка остатки пищи, впрочем позволяют их доедать собаке. Каларцы (род в Шории) боятся стучать по котелку.

„Ырыс“ очевидно приходит к охотнику с убиением первого зверя, вот почему первого зверя нельзя никому показывать, нельзя даже говорить о нем. Алтайцы мясо первого убитого марала варят без соли и приносят в жертву горному хозяину.

Другое дело—„ердене“¹⁾ (этот термин употребляется у алтайцев). Найти его значит—разбогатеть. Это—материальное счастье. Оно воплощается в различные материальные формы. Или—это отметка внешнего вида на шкуре зверя, как уже указывалось выше, или охот-

1) В словаре Вербицкого „Ердіне“—драгоценность, стр. 50: Тоже самое значение приводится и у Радлова „Опыт словаря Тюркских наречий“ т. 1, стр. 795.—Санскритское слово, проникшее к туркам и монголам через буддизм (А. Н. Самойлович).

ник убьет самку марала имеющую рога (паталогическое явление) или он найдет труп, а то и череп маралухи, что бывает тоже чрезвычайно редко, потому что—„От погони Когульдея три самки марала заскочили на небо и там остались и стоят рядом (созвездие Орион. Л. П.). После такого подвига земные сестры их не умирают на земле, а пришедши в старость живыми переселяются к богам на небо. Поэтому, уверяют алтайцы, ни один человек никогда не видел ни костей, ни трупа умершей самки марала.¹⁾

У шорцев и каларцев понятие о счастье не расчленилось так, как у алтайцев-южных. Термина „ердене“ у них нет. И если счастье примет материальную форму, напр., в виде белки (албинос) и в таком виде попадет человеку, он тоже разбогатеет, то это все равно входит в понятие „рыс“.

В термин „Кастак“ алтайскими турками вкладывается понятие о хорошей и верной примете.²⁾ Видел алтаец хороший сон—„Кастак-туш“ скажет, на утро добыча будет. Вылетит уголь из костра, шорец или каларец подберет его и рядом положит—„Кастак“ пришел.

Отличительной особенностью алтайских и шорских охотников во время промысла является внешнее спокойное отношение к результатам охоты. Внешним образом они никогда не проявляют чувства восторга при ценной добыче, а равно и раздражительности при неудаче и выражают свои настроения лишь своеобразной драматизацией. Достаточно выпукло выступает эта особенность в коллективной охоте. Находясь на промысле, артель охотников, с наступлением каждого утра расходится в разные стороны, когда не имеется в виду охоты, требующей непременно участия всех промышленников (напр., облава). С наступлением сумерек они снова собираются на общий ночлег, принося с собой мелкую добычу, а более ценную или крупную, убивши, не приносят с собой, пряча где-либо невдалеке. Явившись на стан, такой удачник бывает чрезвычайно сдержан и молчалив. Его движения принимают медленный, размеренный характер, и этим как бы подчеркивают его абсолютное спокойствие. Тем не менее, остальные мгновенно понимают его и несколько оживляются. Заинтригованные поведением своего товарища они все же не находят возможным удовлетворить свое любопытство и только несколько быстрее готовят ужин, который теперь варится вкуснее и обильней. Потом уже во время еды, кто-нибудь из них роняет вскользь вопрос счастливцу о месте нахождения добычи, на что последний небрежно махнув рукой, как бы нехотя, указывает направление. После этого разговор принимает обычный характер в то время как несколько человек идут на указанное место и приносят зверя.

1) Вербицкий, Словарь стр. 417.

2) Кастак— корысть, прибыль, польза. Радлов. „Опыт Словаря Тюркск. Наречий“. т. II, стр. 356.

Вербицкий, Словарь, 133.

Есть другой вариант этого обычая у алтайцев, где охотник, убивши ценного зверя, намеренно запаздывает на ночлег. Под'ехав к стану, также без добычи, он встречается со стороны остальных вопросом: „Можно ли взять лошадь?“ На что он отвечает утвердительно. Дальнейшую заботу об его лошади принимают товарищи, а он, указав, где находится добыча, садится ждать нового ужина. В том случае, если это запаздывание на ночлег произошло не умышленно, охотник не отвечает на предложенный вопрос и сам расседлывает и отпускает на корм свою лошадь. У шорцев и каларцев охотник, убивший зверя, также ничего не говорит о своей удаче. Нельзя его спрашивать. Во время ужина он сам скажет.

По представлению алтайских турок звери, как и люди, обладают душой. Местом обитания для нее служит нос. „Он носом все знает, душа там сидит“—говорят каларцы.

Алтайцы это доказывают тем, что если зверю в нос попадет пуля „ни один не выживет“, а мелкого зверя „ударь по носу—он пропадет сразу“. Вот почему „челейцы“ (род „челей“, обитающий в северном Алтае) обрезают колонку кончик носа и уносят домой думая, что завладели душой этого зверка. Каларцы и шорцы кончики носов убитых лисиц и соболей хранят дома в ящиках. Здесь мы снова сталкиваемся с приемом заразной, контагиозной магии.

Быть может в связи с местом обитания души стоит обычай у алтайцев есть в сыром виде почки убитого козла или марала. Теленгиты едят сырым хвост марала. Осердые они варят и разбрасывают в жертву горам. Кумандинцы ели сердце козла сырым, еще теплым.¹⁾

С убиением зверя окончательное существование его еще не прекращается. Он может снова воскреснуть. Шорцы, ободрав колонку, бросают туловище в тайге, предварительно ударив ее ножом по хребту девять раз. Каларцы делают тоже самое ударяя лишь три раза. Впоследствии такому колонку трудно будет убежать от охотника. Алтайцы туловище соболя оставляют на особом возвышении, (Таскабаш), на четырех колышках и закрывают ветками. Теленгиты не варят мясо зверя с глазами, а бросают их в тайгу, чтобы существо—Алтай, дал их другому зверю. Умножение породы, кроме естественного пути они усматривают в возможности применения магических способов. Вот почему они лепят фигурки козлов и маралов из ячменного толокна и расставляют их по тайге в уверенности, что Алтай превратит их в живых. Это—подход гемеопатической магии. Подобное происходит от подобного.

Собственное имя Алтай понимается туземцами, не как географическое наименование определенной местности, а оно является в их представлениях—существом, могущим чувствовать, желать и благодетельствовать хотя и не наделяется ими какими либо признаками

¹⁾ Сообщено А. Новиковым.

закрывающими его в определенные, человекоподобные, или другие формы живого организма. Горы и воды, леса и скалы, ущелья и долины неразрывно связанные и объединенные между собой одним оживляющим их духом и есть—существо Алтай. Впрочем, как видно из слов некоторых песен и молитв, Алтай имеет геометрическую форму—„Если сверху посмотрю на тебя треуголен ты хан Алтай. „Если сбоку посмотрю на тебя девятиуголен ты хан-Алтай“. Это представление довольно древнего типа и относится к той же ранней стадии анимизма.

Не менее древне и любопытно представление, что белка из туч падает; подобное указание встречается в литературе.¹⁾

Теперь будет уместно перейти к сущности охотничьего ритуала. Он представляет собой, как бы канонизированную часть промысла, Его обязательно придерживаются как каждый отдельный охотник, так и каждая артель. Здесь религиозные воззрения туземцев приняли определенные, своеобразные и последовательные формы ритуала. Точное и неуклонное совершение целого ряда действий религиозного порядка с чтением соответствующих импровизированных молитв, обеспечивают туземцам большую долю уверенности в успехе на охоте. Степень важности результатов охоты настолько велика, что охотник обращается за сверхестественной поддержкой к духам своих умерших предков и к другим персонажам доброго разряда, так как при их благосклонном участии создается человеческое благополучие. Поэтому, еще находясь дома, накануне выезда на охоту, туземец производит некоторые религиозные обряды. Сущность их заключается в жертво-приношении мяса, вина, толокна и чтение соответствующих молитв просительного характера. Моление начинается прежде всего с обращения к различным покровителям; у алтайцев—„Ак-јајык‘у“—доброму посреднику между Ульгеном и людьми, у тубаларов—„Кара-Кушу“,²⁾ (т. е. орлу).

Моление совершается в юрте и включает в себя кропление вина и чтение коротких молитв.

Обращение к Ак-јајык‘у.

Ак-јајык азык төлук перзін!

Алтајка чыккајзын

Казык перзін!

— Дай пищу светлый јајык!

— Когда выйдешь на обширную тайгу

— Дай опору! (букв. кол для привязи).

¹⁾ А. Н. Борзенко „Кедровый и зверовый промысел в Бийском имении Алт. Округа“. стр. 28.

Н. Я. Никифоров „Аносский сборник“ Омск. 1915 г. стр. 172. (сказка Кан. . . сын Ак Бока).

²⁾ Тубалары сами себя называют „іш-кіжі“ (лесные люди); расселены они в тайге, примыкающей к северо-западным берегам Телецкого озера, по бассейнам рек Кара Кокши и Сары Кокши.

Абан суда кегкејзін,

Үлеш перзін!

Кан тајкадан, канду перзін,

Каптарбадан, үлеш перзін!

Ак-јајык паш болзын!

— Когда будешь переправляться через текущие воды.

— Часть (долю) дай!

— От царственной тайги дай выдру

— Из охотничьей сумки часть дай!

— Светлый јајык—кланяюсь! (будь головой).

В тот же день вечером, совершается другой обряд, несколько отличный от первого, посвященный кровным или родовым духам—например: Качы-кам-у, Санзаку, Таяда и др. Почитаемому предку—Качы-каму приносят в жертву белую овцу. Жертва приносится под открытым небом и умертвляется удушением, при этом читается молитва:

Төнөн ашты тепшілү

Тös паканды палыңду

Атту-чапту Качы-кам!

Кök поро атта көлкөлү

Кök корымда көчкөлү

Ак поро атта көлкөлү

Ак корымда көчкөлү

Ак палыңда ермектү

Атту чапту Качы-кам! ¹⁾

— С блюдом (мяса) трехлетнего жеребенка

— С основанием жертвенника

— Знаменитый Качы-кам!

— На почитаемой сине-серой лошади, с ленточкой (?)

— На синей россыпи с ленточками

— На посвященной бело-серой лошади, с ленточкой (?)

— На белой россыпи с ленточками

— С чистым жертвенником словесным (разговорный)

— Знаменитый Качы-кам!

Мясо жертвенного животного тут же варится и охотник при помощи большой ложки брызгает по сторонам мясным наваром (урс), произнося:

Кара камду төжөктү

Калтар кумдус јакалу

Кара жылан камчылу

Кодор жылан колоңду

Атту чапту Качы Кам!

— С постелью из черной выдры,

— С воротником из мухортого бобра,

— С плетью из черной змеи,

— С подругой из соловой змеи,

— Знаменитый Качы-кам!

Варенное мясо с'едается семьей охотника и родственниками. Об'еденные кости складываются на специальное, деревянное возвышение (палын) на четырех кольях, покрытых корой лиственницы и сжигаются.

Моление предку Санзаку имеет такой же характер, как и Качы-каму, с той лишь разницей, что обряд совершается в юрте и вместо кропления наvara просто читают молитву.

¹⁾ Перевод принадлежит А. В. Анохину.

Кости жертвенного животного не сжигают, а выбрасывают, предварительно продержав их в юрте один день, объясняя это традиционными соображениями—„Так раньше старики делали“.

Перед самым выездом на охоту, промышленник в последний раз делает в юрте „чачылгы“ (брызгание) вином Ак-јајыку, огню Каны-Каму, читая последнему особую молитву:

- Паштап турбан Пајнам — Руководящий мой дух! (бкв. в начале стоящий).
- Пажынды пілген јаны! — Знавший великое начало! (?)
- Алтајкада тіл алышсан! — С обширной тайгой сговорись.
- Аб ын суда кол алышсан! — С текущими водами имей соглашение (скрепленное рукопожатием).
- Азык төлүктен сурасшан — Обильную пищу выпросивши дай.
- Атту чапту Качы-кам! — Знаменитый Качы-Кам!

Шорцы перед отправлением брызгают на огонь толканом и этим ограничиваются. Кумандинцы в момент отправления на промысел (сообщено Новиковым) говорят:

- Алтајка базыр керек — В обширную тайгу ходить (ступать) надо.
- Кудај берер — Бог даст.

По дороге на промысел охотник проделывает целый ряд определенных действий религиозного содержания. Прежде всего совершается брызгание вином всем встречающимся по пути, чем либо отличным, по внешнему виду, горам, тайгам, скалам. При этом нельзя совершать брызгание различным горам из одной и той же посуды.

Шорцы останавливаются около высоких, чем либо выдающихся гор, и брызгают обырткой, говоря;

- Пурунбу абабіс чурген — В старину отцы наши ходили,
- ем піс чаш урен калдыбіс — теперь мы молодое поколение осталось
- аіландыбіс піс чаш олбанар — кружились мы, молодые парни
- ајланбанда арынман одур — когда ты кружишься не уставай
- ајландыра терлеп чурген — кружа вспотевшему
- кіжіге (аң-налыпна) пір — человеку из твоей дичи хотя бы
- ігіне көргүзен . . . — одну ты покажешь . . .
- албыш перебіс¹⁾ — благодарение воздаем.

Переваливая через хребет, охотники ограждают себя пихтовыми ветками и тут же их бросают и обращаясь к Таблар, Сублар—просят горы и реки дать им благополучие.²⁾

¹⁾ Обряд кропления горам существует и у охотников тунгусов, которые также перед охотой приносят жертву огню, верят в существование хозяина леса, придают серьезнейшее значение снам. Значение сна, во время которого охотник имеет сношение с женщиной у них также, как и у всех алтайских племен, предвещает удачу. (См. журнал „Тайга и Тундра“ № 1 за 1928 г. Изд. Северного кружка при северном факультете Ленингр. Восточного Института, стр. 44, 45, 46).

²⁾ Сообщено Н. П. Дыренковой.

Алтайцы при переездах через высокие горы, на перевалах приносят особую жертву горе в виде бросания камня в одну общую кучу, называемую „обоо“, ¹⁾ при чем охотник бросает туда еще одну пулю. С высоких перевалов открывающие большие поля видимости, представляющих собой поистине грандиозное зрелище способное влиять на человеческую психику, охотниками — алтайцами приносится жертва вином или толканом Алтаю (толкан размешивается водой. Эта жертва сопровождается чтением соответствующего обращения и имеет целью почтить Алтай, так как он способен оказывать людям в дорогах соответствующую помощь, выражающуюся в благополучном переезде лесов, гор, рек.

Обращение к Алтаю.

Үстүнең көргөндө үч толокту — Когда смотреть с высоты, треуголен ты
кан Алтај! Хан-Алтай.

Куј узынаң көргөндө камчы — Когда смотреть со стороны ты
сынду Кан Алта похож на плетъ Хан-Алтай!

Сузуп ічкен абын су — Процеженная текущая питьевая вода
Сүттен тадып пергеј педі? Даст ли вкус молока?

Сунуп паскан алтајка — Затопленная (обнищался) ²⁾ обширная
тайга

Үле тадып пергеј педі? Даст ли вкус доли?.

Теленгиты читают Алтаю следующую молитву:

Алтај äзі кан өргө! — Хозяин Алтая — царь дворец!

Абаш äзі кан таскыл! — Лесной хозяин — царь белок (белок —
снежная вершина)

Андык буткен бај Алтај! — Изобилующий зверями — богатый Алтай

Аш береттен бај Алтай — Дающий пищу богатый Алтай!

Мінген ат бүдүрүлбес — Ездовая лошадь не спотыкается

Пүткен појы сүрлебес — Определившийся его рост не изме-
нится

ене јан биј Алтај! — Мать — великий начальник Алтай!

Шарбајып чыккан абажы — Его развесистые деревья

јаылак полбон ене Алтај! — Охраняющие от всего — мать Алтай!

Шарла абан талај . . . — Журча бегущая большая река . . .

Аржан полбон Алтај! — Целительный источник Алтай!

Вслед за прочтением этой молитвы охотник-алтаец обращается к кровному духу-предку, например, Качы-Каму со словами:

Паштап турбан Пајна — Руководящий добрый дух!

Пажынды пелген јабабаным! — Знающий свое начало мой творец!

Атту, чапту Качы-Кам! — Знаменитый Качы-Кам!

Алтајка чыккајым — Чтобы я вышел не обширную тайгу

Азык төлүк суразын! — То просил бы обильную пищу!

¹⁾ У шорцев „обоо“ не встречается.

²⁾ Алтайцы считают свой край обнищальным, в связи с приходом русских.

При кроплении обязательно разводят огонь, но в тех случаях, когда охотник по каким-либо причинам (поспешность, ненастье и пр.) считает невозможным развести огонь, то допускается символизация последнего, выражающаяся в складывании сорванной травы на подобие костра.

С моментом выезда на охоту у туземцев связываются некоторые приметы. Шорцы выйдя из дому не ворочаются назад. Не отвечают на вопрос—„Куда идут“? Встречая когонибудь, считают лучше повернуться, во время разговора, спиной к встречному. Никому не разрешается проходить поперек дороги охотникам идущим на охоту. Если из дома выйдешь и пошутишь, то „доброго не ожидай“—говорят охотники. Идут тихо, стараясь сохранять серьезность и благопристойность. Шорцы, кумандинцы и тубалары считают необходимым вернуться, если дорогу пересекла женщина; алтайцы, кроме этого, считают за дурной признак, если дорогу переползет змея, а улаганские теленгиты выезжают из дома с заряженным ружьем, на тот случай, чтобы пристрелить зайца перебегающего дорогу. Каларцы не пересекают чужой лыжный след. Тубалары об'езжают свою юрту, при отправлении, обязательно по солнцу.

Все приметы связанные с пересечением дороги охотнику вытекают из принципа контагиозной (отрицательной) магии. Дорога или путь на охоту рассматривается, как часть процесса охоты. Пересечение пути—есть преграда пути. Это распространяется и на самую охоту, которая согласно принципа этого вида магии будет также испытывать различные преграды.

Приехав в намеченный район охоты, промышленник раскидывает стан, обыкновенно под густым непромокаемым деревом, называемом „бај барак“—богатое—ветвистое, которое чествуют кроплением толкана. Алтайцы развешивают близ него шнурки с девятью ленточками на каждом, в количестве от одного до трех подвешивая их обычно на березу (священное дерево) или на кедр, соблюдая определенное направление шнурка на восход солнца. Восточная сторона на промысле особенно чтится. Туда обращается промышленник во время моления. Нельзя мочиться в эту сторону.

Тубалары вешают ленточки трех цветов: синие, желтые и белые. Между ними привязывают шкуру белого зайца или летнюю белку, иногда хвост и голову глухаря. По об'яснению тубаларов эти существа чистые, потому что живут под землей, кроме того соответствуют указанным цветам. Вслед за этим они обращаются к хозяину тайги.

Алты кырлу Алтајка!

Ас јакалу

енем болуп еміскен

Адам болуп азраан

јаңыр јукпас баракым

барак

— Шестигранная обширная тайга!

— С воротником горностае!

— Как мать моя питавшая грудью . . .

— Как отец мой воспитавший (хранивший)

— Непроницаемое для дождя—густоветвистое дерево!

јау тыбынбас кујабаным... — Непроницаемое для врага мое убежище . . .

Мінер аттан јајылбас — С ездовой лошади не упаду.

Кіеркептен чечілбес — Надеваемая одежда не развяжется.

јајап турары кандыјтіт? — Каково будет его творение?

Развешивают ленточки вблизи стана и „шелканцы“ (живут по реке Байгол).

Шорцы ленточек не вешают, а придя на место охоты, огребают снег, ставят из пихтача шалаш, гденибудь около пихты или лучше кедра и тут же обращаются к этому дереву, брызгая ему абырткой:

Пај торум салбодур — богатый шишками расти,

парак паштын пај кузук — с мохнатой вершиной богатый кедр.

Старик из артели, замешивает снова абыртки и угощает хозяина горы; Таб-әзі, брызгая ему:

Амыр јурерге неме табарҕа — с миром ходить, чтонибудь заработать,

Некоторые еще говорят:

Пажына куш конзын — На вершине его птицы пусть ночуют

Төзіне біс коңар — У основания (у корней) его мы ночуем

Каларцы обращаются к дереву чествуют его толканом восклицая:

Шок, бај барак! — Шок, богатое, ветвистое!

Здесь необходимо указать, что применение ленточек не только на охоте, но и вообще в религиозных культах чрезвычайно распространено в Алтае в районах прилегающих к Монголии, откуда, вероятней всего, они и проникли в Алтай. Особенно заметно употребление ленточек в обрядах алтайцев-бурханистов, религия которых, как известно, своим происхождением обязана буддийской Монголии.

После обращения к дереву и хозяину тайги или горы, разводят в шалаше огонь и жертвуют хозяину огня (от ічезі) абыртки.

По приезде в тайгу охота начинается с наступлением следующего утра. Алтайцы и тубалары предварительно совершают обряд кропления толканом горному хозяину. Шорцы обращаются с жертвой к огню. С этого момента охотник как бы заканчивает обязательный церемониал, продолжая его, лишь по возвращению с промыслом, а дальнейшее проявление религиозных действий вызывается с его стороны лишь соответствующими настроениями. Например, чувством благодарности за убитого ценного зверя или ощущением страха перед дурной приметой, вызывающей соответствующую жертву. Интересно и характерно, что при совершаемых молениях на охоте промышленники переживают повышенное настроение и приходят в особое состояние экстаза, находящее определение в выражении алтайцев „едім езіп јат“—мое тело внутренним огнем горит. Такое эк-

зальтирование состояния при молении предвещает несомненный успех.

Если попадется в первый день охоты соболь — охота будет удачна.

Следует сказать, особо, относительно почитания огня на охоте. „Огонь, с его длинными языками служит посредником между человеком и божествами. Огонь передает жертву различным духам“.¹⁾

Каларцы говорят: „То, что даешь огню, он все передаст горному хозяину“. Они считают, что жертву огню давать лучше вечером, в знак благодарности, когда уже есть какаянибудь добыча. Почитание огня на охоте имеется у всех алтайских турок. Какое бы блюдо не готовилось, часть его, в первую очередь, дается огню. Тем не менее шорцы избегают давать огню коровье, овечье и свиное сало. Некоторые охотники даже лошадиное сало считают неприемлемым для этой цели. В то время как сало зверей является по их мнению самым подходящим. К огню относятся с большим уважением. Нельзя перешагивать через огонь, нельзя ничего передавать через огонь. В числе эпитетов для огня наиболее употребительны следующие: „Отusbашту от ене“—30 головая огонь мать, „Алтын тонду, от ене“—в золотой шубе огонь мать, „jaан канны5 чар5 алы5“—великого царя решение (суд). Если находясь дома туземцы соединяют свое представление об огне с очагом и к последнему относятся весьма осторожно, связывая с ним домашнее благополучие, то будучи на промысле они соединяют это представление об огне с таганом-палкой, которая втыкается у огня. У каждого охотника должен быть свой таган (аскыш). У алтайцев весьма распространено поверье—если оставлять таган воткнутым у огня, когда на нем уже не варится пища, то через это можно получить половое бессилие. Также думают и шорцы. Каларцы к этому добавляют „жена с другим мужиком ходить будет“. Это воззрение вероятно принадлежит к разряду гомеопатической магии, имеющей в основе ложное применение ассоциации идей по сходству. Таган составляющий личную принадлежность охотника ложно ассоциируется, по приблизительному сходству, с детородным членом его. А раз подобное происходит от подобного, то и понятие о порче тагана от огня при лишнем, ненужном употреблении его (когда на нем ничего не висит) переносится на ассоциированный с ним детородный член охотника. Если это предположение справедливо, то нет ничего удивительного, что охотнику изменяет жена, т. к., половое бессилие мужа служит у туземцев надежным оправданием для измены жены. Здесь следует еще помнить, что согласно принципов симпатической магии, половая сила охотника служит прочным залогом для „плодородия“—охоты. Получив половое бессилие охотник не в состоянии симпатическим путем воздействовать на природу и на коренящийся в ее условиях зверевой промысел. У алтайских турков это воззрение

¹⁾ Н. Дыренкова „Культ огня у алтайцев и телеут“. Сборник Музея Антропологии и Этнографии. Т. VI. стр. 71.

как бы продвинулось вперед и усложнилось. Половая сила охотника необходима ему, чтобы иметь сношение с хозяином тайги в образе женщины, что очень способствует удаче на промысле.

По окончании охоты—шорцы охотники благодарят хозяина тайги и огонь. Совершается обычное брызгание хозяину тайги со словами:

абабіс ошкаш ак таскыл пу- рунап	— Если отцы наши белые вершины (снеговые) прежде переходили
бере чүрген, абабіс ебіре	— Если отцы наши окружась
үргүнүп наньп отурбан	— И радуясь домой возвращались
піс келдібіс едөк үргүндүр- дун	— Мы пришли, также ты порадовал нас,
Кудај саба албіш перзін!	— Бог тебе благословение да даст!

Домашний огонь—(хозяин его—„от—ичезі) ярким вспыхиванием и треском извещает домашних о скором возвращении охотников. Войдя в юрту, охотник жертвует огню.

Кумандинец по возвращению говорит примерно следующее:

Кече кудай берде	— Переправу бог дал!
Чолым чакши болды!	— Дорога моя хорошая была!
Абыр ензү чан келдім!	— С миром (благополучно) возвра- тился.
Kiri5 кудай мал берде	— Малый бог „скота“ дал! ¹⁾

В то время, как мужчины охотятся, даже дома женщины и все оставшиеся должны соблюдать известные правила: нельзя ни веселиться, ни играть, ни ругаться, ни громко смеяться, иначе белка не придет к охотнику. На Кобур-су (река) две семьи поссорились из-за того, что молодежь одной из них, пришла с балалайкой в юрту другой в то время, как хозяева ее были на промысле.²⁾ Эти правила опять таки вытекают из принципов магии. Симпатическое влияние действует и на значительном расстоянии.

Самый момент прихода с промысла у шорцев имеет некоторые особенности. Например промышленник сразу не заносит добычу в дом и сам туда не заходит пока „пот не высохнет“ В это время нельзя разговаривать с женщиной. Жене нельзя встречать своего мужа. Может быть это своеобразное очищение охотников после убиения зверей. Несколько иначе обставлено возвращение с промысла у алтайцев. Охотник считая, что он обязан своим духам покровителям, отмечает это в ряде коротких молений, сопровождающихся постоянным кроплением вина и чтением благодарственных молитв: „Ак-јајыку и покровителю предку. После этого он чествует ленточные изображения со шкуркой колонка, покровителю охотников Сары-хану, пове-

¹⁾ Сообщение А. Новиковой.

²⁾ Сообщено Н. П. Дыренковой.

шенное на левой стороне юрты у двери. Для этой цели он употребляет „саба“—брагу из толкана. Как на известную особенность моления после охоты следует указать на тот исключительный случай, когда охотник привез козла или марала с редкой и счастливой приметой: дырка в ухе. Мясо такого животного варится и вынимается на деревянное блюдо. Охотник став на колени, обращается с ним в передний угол юрты, читая особую молитву кровному предку—покровителю например, Качы-Каму.

Ак парылба, алты арылба — Чистое приношение положил на
салдым — шесть древков!

Аjak тепші олерге кун jелеп — Чествую вас из чашки и блюда.
jадым

Аlтаjка тіl алыш — С обширной тайгой сговорились.

Абык суда кол алыш — С текущими водами иметь согла-
шение (скрепленное рукопо-
жатием).

Аlтаjка андан чыкса — Когда буду выходить промышлять
в обширную тайгу,

Ат пажында туштадып—тур — Верхом на лошади—дай встречу
(со зверем)!

Алдыма jол уткурут — Предо мной дорогу устраивающий

Атту чапту Качы-Кам! — Прославляемый Качы-Кам.

Аlтаj біле jakшы jаражып— — С Алтаем в мире живи!
тур

Последний, как уверен охотник, не замедлит отблагодарить его за такое исключительное внимание и в будущем будет способствовать удачной охоте. При почитании среди кровных духов—Санзака, в честь последнего охотник умерщвляет овечку или жеребенка и совершает заключительный обряд кропления вином и толканом.

Из сделанного обзора охотничьих верований видно, что таковые существуют у алтайских турок повсеместно. Правда, в среде каждого племени, а иногда, даже и рода, они несколько изменяются, но тем не менее, все они покоятся на общей магической и анимистической основе.

У алтайцев охотничьи обряды сложнее и пропитаны шаманскими влияниями, которые скрестились с элементами монгольского культа (развешивание ленточек, „обо“). У шорцев они проще и должно быть древней.

У алтайцев каждый род имеет своего общего покровителя „тос—я“—предка помогающего и при охоте, например у рода „очі“—„Санзак-кам“, у рода—„чапты“—Качы-кам, у рода „тодош“—Тостогош Кам, у рода „комдош“—Тајада-Кам и т. д. Все эти предки—умершие шаманы. Представление о характере и сущности моления этим покровителям было дано выше¹⁾ Но помимо этого у алтайских турок

¹⁾ См. также А. В. Анохин „Материалы по шаманству у Алтайцев“. Ленинград 1924, стр. 111, 123, 129.

есть общие покровители охоты-охотничьи духи, которых чтят все рода. Эти не умершие предки, а особые существа, как бы хозяева всей тайги, но уже имеющие определенные образы и имена и этим резко отличающиеся от хозяев местных: гор, рек и т. д. Таковыми являются: у тубаларов—Шапыр или по другому произношению Чапыр, у правобережных Катунских алтайцев—Кудан-Бий, у левобережных—Сары-Хан, у Чуйских теленгитов—Санай. Все они ведут свое происхождение от духов гор, так как—„алтайцы выделяют духов гор в совершенно самостоятельную категорию: духи эти не имеют никакого отношения ни к Ульгению, ни к Эрлику“.¹⁾ „Каждый род (сок) алтайцев имеет ту или другую гору, реку, скалу, озеро, которые почитает как родного своего покровителя, и называет чистым тос'ем (арутос). Общее количество родовых тос'ей всех сок'ов довольно велико, а район их распространяется за пределы Алтая и Монголии (Сумер-Улан) на р. Кемчик (Алаш, Сут-Коль) и др. более северные местности р. Енисея (Каным)“.²⁾

С именем Шапыр или Чапыр у табаларов связывается представление о духе, способствующем удаче охотника в тайге. Почитая его, охотник имеет в виду получить помощь во время промысла. Шапыр живет в тайге там же, где живут и плодятся звери. Внешний вид его рисуется шаманами в молитвах в образе человека: с бледными бровями, с посохом из желтой акации, едущим на быстром марале.

В тех случаях, когда охотники проявляют к нему недостаточное внимание он наказывает их различными кожными болезнями (чесоткой, фурункулами и пр.) и во время охоты заслоняет зверей от пуль охотников железной лопатой. Шапыр имеет силу высушивать тайгу, уничтожить ее пожаром. Гора „Чаптыган“ в долине реки Иши уже в течении нескольких лет неприятно колет взгляд щетиной обгорелых деревьев. Местные туземцы твердо уверены, что это—дело сильного Шапыра.

Гибель охотничьего шалаша от огня—причина, заставляющая охотников временно покинуть промысел в силу своего дурного значения—рассматривается тубаларами, как проявление гнева Шапыра. Поэтому возвращаясь домой охотники умилоствуют Шапыра через посредство жертвоприношения „саба“—(брага) и снова идут на промысел. Вблизи охотничьего стана тубалары ему подвешивают ленточки со шкуркой белого (как и всем покровителям) зайца и совершают кропление мешаниной из толкана „ортко“ (алт. „потко“). По традициям тубаларов Шапыру требуется принести в жертву „саба“ (туяс с брагой из ячменной муки и солода) в количестве 3,5 или 7 ведер. Количество это определяется усердием приносящего жертву. Жертвоприношение совершает шаман. Шаманские мистерии образны и продолжительны по сравнению с короткими импровизированными молитвами охотников.

¹⁾ ibid, 14.

²⁾ ibid, 16.

Жертвенной брагой кропят—„тар“—изображение Шапыра. После этого присутствующие пьют брагу и выкуривают из нее вино, которым также кропят „тар“. Это моление совершает каждый охотник один раз в три года обязательно осенью перед промыслом. По возвращении с промысла Шапыру не молятся. Изображений Шапыру два. Первое называется „тар“. Оно состоит из двух небольших и наглухо сшитых берестянных пластинок квадратной формы. Внутри их кладут 9 зерен ячменя. К нижней части изображения прикрепляют ленты из коры желтой акации (чапкын); от жимолости (көр, у алт. таја) и конопли (кәндір). Все эти составные части имеют не только смысл украшения к берестяной основе, но скорее всего символизируют связь между этим почитаемым духом и охотой, так как первые два сорта ленточек служат материалом для приготовления фитиля к ружью, а конопля идет на чистку дула. Местами эти ленты делаются исключительно из акации. „Тар“ Шапыр носит на бедре: к верхней части „тар“ прикрепляется лычкой палочка из желтой акации это—„тајак“—посох, костыль Шапыра. Зерна зашитые в „тар“ по объяснению охотников имеют смысл обещания принести в жертву. Это—задаток Шапыру. „Тар“ охотники хранят в амбаре, там где хранятся и шкурки зверей и вынимают его только во время моления своему покровителю. „Тар“ имеет второе название—„Нјанчык“, что значит—мешок¹⁾.

Другое изображение называемое „Манчак“ (алт. манјак) висит постоянно на огромном деревянном гвозде в почетном углу юрты. Оно сделано из более длинных (10—12 вершков) ленточек желтой акации, жимолости и одной ленточки из материи. Оно тоже имеет „тајак“ из акации. Охотники особенно проникнутые чувством уважения к Шапыру ежегодно перед охотой привязывают к манчаку три новых ленточки из акации. Иногда по словам туземцев манчак приносит с собой женщина вместе с приданным, а муж усваивает этого духа, если он охотник. Поэтому отношение к Шапыру двойное. Если он является родовым духом, т. е. чтимым по мужской линии — ему приносят в жертву „саба“ и называют его своим „төсем“ — основой рода. Если же он только дух жены, то ему в этой семье „саба“ не поднимают (көдүрбөс) а кропят обычно его изображение вивом.

Молитвы Шапыру.

Сары чапкан тајакту	— С посохом из желтой акации
Сары тіін ілүйү	— С подвешенной рыжей (летней) белкой.
јалаң јерде турлалу	— На открытом месте имеющий стоянку зверей
Кочо сыбын ајдыблу	— С приносимым маралом—самцом
Теке јуцма ајдыблу	— С приносимой самкой — каменного козла

¹⁾ Ср. Вербицкого в его словаре на стр. 209 Нанчык—кисет для табаку.

Сары саблак саллу	— С желтой бородкой (козлиной формы)
Ку кірбіктү	— С бледными бровями
Саскан жетпес сары жалаң	— Не перелетаемое сорокой желтое открытое место (равнина)
Кускун жетпес ку жалаң	— Не перелетаемое вороном бледная равнина
Кызыл жалкын камчылу	— С плетью из красной молнии
жалаң жерде өлуштү	— На открытом месте подлежащий смерти
Абын сублу кечіблүб	— На текущих водах имеющий переправу

II

Абын суба кечү пожотсын	— Через текущие воды переправу прошу дать!
Алтајкада ажу пожотсын!	— Через обширную тайгу переезд прошу дать!
жалаң жерде үлөш суразын!	— В поле долю (добычу) испроси
Тайка ташты култпа!	— Каменные горы не изменяй
Тезен ле чөдөн—бер	— На колени вставши, дай!
жілінме кудалап бер!	— Говоря (вспоминая о бэге) дай!
еі үлөштi жаап бер!	— Народную долю (добычу сотворивши) дай!
Алтын тепші жајанын тур!	— Опираясь на золотое блюдо стой!
јеле којон пачылу	— Вырезанным зайцем на шнуре
Ајбыр којон ііілүб	— Подвешенным самцом, зайцем
Атту сыну урсү	— (Лучшим) наваром лошадиного хребта
Адам Шаңыр, біј Шаңыр!	— О,—Отец мой Шаныр, О, начальник Шаныр!
Сары нјанчыкту	— Имеющий желтый мешок (изображение
јантала кечер болзо солтпо!	— Большие (почвенные) воды, если переходишь не высуши
Алтајканы өртөбө;	— Обширную тайгу не выжигай!
Чок, кајракан!	— Чок, уважаемый!

III

Парчан адазы бај Шаңыр	— Шаныр—Отец всех богатых, Шаныр!
Алтај јеріне сабып турбан!	— Охраняющий Алтай!
Аланчыкты Карап турбан	— Караулящий жилища!
Парчаны адазы бај Шаңыр!	— Отец для всех, богатый Шаныр!
Сары таңдақ јурту	— Имеющий жилище на желтой заре
Сары маңзас атту	— Имеющий лошадыю желтого шмеля
Ку маңзас атту	— Имеющий лошадыю бледного шмеля,
ежіктерін келгејлү!	— Твои двери достойные приход!

Сары кааш өдөктү	— С желтыми (составными) обутками ¹⁾
Сары чапкын тајакту	— С посохом из желтой акации
Абын суды соолтып	— Осушая текущие воды
Сајна бастан улус	— По мели будет ступать народ
Алтајканы өртөп	— Выжигая обширную тайгу
Кокыне бастан улус	— По пеплу будет ступать народ ²⁾
Адан Кудан біј Кудан!	— Твой отец Кудан, начальник Кудан!
енем Куу, бај Көбүл!	— Моя мать Куул богатая Көбүл!

У алтайцев чтимым покровителем охоты является Кудан-Бий. Охотники называют его—„тайка—төс“: Шаманская идеология отводит ему значительную долю внимания. Кудан живет в той стороне, куда вечером скатывается солнце, в том месте, где по характерному выражению алтайцев „јар тенере сапсылбан“—на колеблющейся (границе) неба и земли. Там растут и дрожат осины. Летом Кудан Бий переселяется в тайгу. Каждый охотник в течении трех или семи лет приносит ему жертву. Жертвой может быть овечка, дикий козел, лошадь (не старше 3-х лет) и „саба“. Жертвенное животное должно быть непременно желтой, соловой масти. Моление совершается при обязательном участии шамана, исполняющим обряд слицом обращенным на запад. Сам охотник такого обряда совершать не может. Камлание Кудан Бию не отличается продолжительностью и распадается на две части: вечернее моление в юрте, когда читаются длинные мистерии, просительного характера и освещается жертва—затягивающееся далеко за полночь и утреннее—представляющее процесс приношения жертвы. Оно происходит за юртой перед специальным жертвенником. Материалом для жертвенника служит, исключительно, осина. Общий вид жертвенника мало чем отличается от обычного типа и только бросается в глаза отсутствие яркой зелени березы, замененной теперь бледной осинкой. Перед вкопанными в землю стройными осинками с листвой на верхушках устанавливаются две осиновых развилины. На них кладется осиновая жердь куда вешают разные ценности, например, шкурки зверей, дорогие шубы, материю и т. д. Это—„толу“—выкуп. Между двумя осинками натягивают шнур с 9 ленточками темно желтого цвета со шкуркой летяги по середине (изображение Кудану). Перед этим сооружением и приносится жертва, сопровождаемая чтением молитв. Шкура жертвенного животного поднимается на жерди на дерево, где и сгнивает.

Подобные моления совершаются осенью перед охотой и заканчиваются обещанием принести очередную жертву.

Кудан Бий очень зорко следит за настроениями охотников и как только замечает, что отношение к его персоне недостаточно

¹⁾ Тубалары носят кожаные обутки с холщевым голенищами. Такие же носит и Шаныр.

²⁾ Здесь опять выражена мысль об изменении Алтая. Вырубается и выжигается тайга, вследствие этого мелеют некоторые реки.

внимательное—насылает несчастье. Излюбленной мерой его наказания являются неудачи, которыми он окружает охотников на промысле. Кроме того, он посылает огромные стаи волков уничтожающих скот.

На вопрос к какой категории духов, добрых или злых, относят Курдан Бия алтайцы, охотник—Пелемен (р. Куюм) ответил по русски — „середни“—средний. Действительно, Кудан Бий, благодетельствует охотнику, если ему последним оказывается достаточно внимания и ему приносят в жертву лошадь, обязательно, светлой масти. С другой стороны он насылает волков, уничтожающих скот. Далее, его жилище не преисподний мир и не небо, а грань между этими областями. Но западная грань, где находится „пасть земли“—служащая дверями в преисподний мир, где сосредоточена темная сила. Затем, звери, судьбой которых Кудан Бий властен распорядиться, весьма разнообразны. Среди них встречаются и такие (медведь, барсук), которые по представлению алтайцев являются слугами духов злой категории. Кроме того, самое изображение Кудан Бия, состоящее из 9 желтых ленточек с шкуркой летяги, может быть сочтено за признак характеризующий его враждебное отношение к небожителям, так как по записям произведенным среди алтайцев Г. Н. Потаниным¹⁾ — видно, что летяга непримиримый враг неба. В легенде—„Как творец переселился на небо с земли оставив на ней горе и печаль“²⁾ летяга—шаман, проклятый творцом. В Кудан Бие, таким образом, объединяются элементы доброго покровительства и злого недоброжелательства. Как будто бы признаки относящиеся к духам злого порядка здесь преобладают. Тем не менее, этого недостаточно, чтобы считать его абсолютно злым существом. Тот факт, что жертвоприношение ему совершается довольно таки редко (раз в три или семь лет) и жертвенное животное светлой масти противоречит этому. Ближе всего он подходит к категории духов гор, земли и воды. „Человек видит в них своих благодетелей, от которых и получает земные блага и карателей, потому что за непочтение к себе они насылают болезни“.³⁾ Этим духам приносятся в жертву животные тоже светлой масти.

Тоже самое можно сказать и про Шаныра. Упомянутые выше Сары Хан и Санай— духи покровители этого же порядка.

Молитвы Кудан Бию.

Адам Кудан бій кіжі	— Отец мой Кудан начальник!
Жаман Кушту ёлчіу	— Имеющий посланником худую птицу (Удод)
Көк тајбылы ⁴⁾ абыткан..	— Волка отпустил...
Малды жізін—деп!	— Скот пожирай-де!

¹⁾ „Эрке. Культ сына неба в Северной Азии“. Томск 1916 г. ст. 24.

²⁾ Записана Г. М. Токмашевым.

³⁾ А. В. Анохин „Материалы . . .“ стр. 14.

⁴⁾ Иносказательное имя для волка, в сказках так называется.

Уч үжелү бај терек
Үjde салбан Кудан Бiј
ҮI пөрүктү жаман куш

Elчi сал бап Кудан Бiј
Ердинелү малба жарбы берген

• Жапа берген!
Куш пөрүктү Кудан Бiј!

II

Сары тапдак журтабан
Сары маңас аттулар

Сары чөлдө жарыш еткен
Жер төзінде кайбылу! ¹⁾

Жетти маңас жарашту
Жер сапсылбан оюнду

Адам Кудан Бiј кижі!
Алтајка чыккајзын
Азык төлук жапа береттен!

Абын суды кечкејзін

Алтын үлөш жапа береттен!

Атту чапту Кудан Бiј!

— Трехсуставный богатый тополь
— Домом сделал Кудан Бий!
— В шапке с хохолком худую птицу
(Удоды)
— Посланником сделал Кудан Бий.
— Счастливому скоту давший опре-
деление (суд)
— Сотворивши дал
— В шапке из птичьих перьев на-
чальник Кудан!...

II

— Имевший жилище на желтой заре
— Рысящий (ездящий рысью) на жел-
том шмеле,
— На желтой степи устроил бег.
— При основании земли удивитель-
ный!
— Имеющий бег семи шмелей!
— Играющий на колеблющейся гра-
ни земли
— Отец мой Кудан начальник
—
— Чтобы в обширную тайгу вошел я
Обильную пищу (от охоты)
сотворивши давал бы!
— Чтобы через текущие воды пере-
правился я!
— Золотую долю сотворивши будет
давать
— Почитаемый Кудан Бий!

У шорцев тоже находим духов, способствующих охоте. Охотники рода „Челей“ каждую осень устраивают камлание „хозяину двери“ — ежік-әзі, который является сыном Ульгена и хранителем человеческого жилища. Ему приносят в жертву туяс с ячменной брагой „орт-ко“. Моление совершает шаман. Вот отрывок из обращения шамана к ежік әзі, характеризующий этого покровителя:

Сары шапкын тајакту
Пелі жок пелдініш
Сары тыјын сабалу
Ак үлгені чарбалыб

— С посохом из желтой акации,
— С тонкой вихляющейся поясницей
— С бородой из желтой белки
— Имеющий решение светлого Уль-
гена...

¹⁾ Кайгалыг—чудный, удивительный. Вербицкий, Словарь стр. 116.

Это описание очень походит на описание Шаныра, Кудан Бия, Саная. Непочитание ежік-әзі влечет за собой дурные последствия: охотник или болеет и не выходит на промысел или во время охоты его преследуют неудачи. Каларцы осенью перед промыслом камлают „Пајна“. „Пајна“ раньше был человеком. Почитающие его охотники получают во время охоты его личную помощь. Не чтящие—терпят неудачи. Камлание совершает шаман. В жертву приносят—„шөктөш“—брагу из просеянного толкана и солода. Она замешивается в количестве 7—9 ведер в берестяном туясе—„куспак“. Во время камлания куспак ставят в избе, в передний угол. К нему привязывают березку и сеть для ловли соболя. Большая часть камлания происходит утром. Заканчивается моление в тот же день вечером.

У шорцев в низовьях реки Кондомы покровитель охоты—„Сарас“ или „Колунак“. Изображение его состоит из белой холщевой тряпочки заменяющей шкурку колонка. Хранится это изображение вместе с другими домашними духами и угощается при отправлении на охоту. От него зависит успех охоты. Верят, что он бежит вместе с охотником и мешает ему, перебегая дорогу. Перед охотой его надо задобрить, чтобы он шел тихо, помогая загонять зверя. Обычно изображение колонка хранится, где-нибудь в амбаре или под крышей в юрте. Перед отправлением на охоту ее вносят в избу или юрту, вешают на матицу или втыкают прут, на котором шкурка привязана, на скамейку. Хозяину колонка брызгают аракы (вином). Если во время кропления шкурка шевельнется, удачи на охоте не будет. Иногда шкурка эта оставляется висеть на все время, пока хозяин охотится. Перед самым выходом из юрты охотник брызгает огню и дает ему куски сала, говоря:

Әмнүн елере тајкыба пажап отур — Хозяев дома в тайгу веди.

Аң жок чердең саба тартып отур — На место, где нет зверя криво не веди

Аң бар черге орта пажап отур¹⁾ — На место, где есть зверь, прямо веди.

В качестве примера обращения к колонку может служить и следующий отрывок:

Кара кундус чакалыб — Имеющий воротник из черного бобра

Талај кан улы? — Морского царя сын!

По среднему течению реки Мрассы, а также в верховьях реки Томи охотничий дух—„Каннатыб“—крылатый. Изображение его состоит из двух вилообразных веток березы с тряпочкой посередине. К тряпочке пришиты два пера глухаря. Его также, угощают перед охо-

¹⁾ Сообщено Н. П. Дыренковой.

той. За непочтение Каннаты⁵ насылает болезни живота и мешает охотникам прицеливаться в зверя, мелькая перед глазами.

По сведениям полученным от Н. П. Дыренковой, в низовьях реки М^рассы изображение, подобное Каннаты⁵-у называют—„Учу⁵бат-Хан“. Он имеется у охотников и торговцев. Учусат Хана угощают маслом и кашей без соли. Его изображения хранят в доме. За непочтение Учубат Хан наказывает болезнями глаз и ушей. В верховьях же реки М^рассы и в западной части Минусинского округа, населенной шорцами, охотничьим духом является—Тай⁵бам. Изображение Тай⁵бам вырезано из дерева и имеет лицо с глазами из медных пуговиц.¹⁾

У кумандинцев, по сообщению студента А. Новикова, охотничьим покровителем является также „тай⁵бам“ или по другому произношению „тай⁵бым“. Изображение его здесь иное. Оно состоит из двух сшитых берестяных пластинок, квадратной формы, наподобие изображения Шаныра у тубаларов, (тар), только у „тай⁵бама, таких берестянных сумочек две. В каждой из них находятся зерна ячменя: в верхней 9 зерен, в нижней 7 зерен. Обе эти сумки насажены на черемуховую палочку длиной в поларшина. Изображение „тай⁵бам“ хранят на вышке избы. Во время камлания достают и приносят в избу, и кропят его ячменной брагой „ортка“. Через 3—5 лет делают новое изображение. Камлают „тай⁵бам-у“ с обыкновенным деревянным луком небольшого размера. После камлания этот лук висит в избе.

У кумандинцев Солтонского района Бийского округа, у шорцев среднего течения р. Кондомы и у шелканцев—охотники почитают перед промыслом „Шалы⁵ба. Изображение его вырезано из дерева имеет оловянные глаза и бороду из беличьего хвоста.

По рассказам туземцев Шалы⁵ раньше был человеком, отчаянным и бесстыдным. Он никого не призывал и ходил даже к Эрлику, у которого сломал три двери. Эрлик решил его наказать. Он поставил заряженный самострел. Шалы⁵ попался в эту ловушку. Стрела ему ранила ногу и язык. От того он теперь не может хорошо говорить и хромает. Шалы⁵ часто мучает охотников болезнью — ломотой костей. Ему приносят в жертву „Саламат“ (кашицу).

А. Новиков, подробно ознакомившийся с нижними и верхними кумандинцами, отмечает, что у степных кумандинцев и у кумандинцев живущих на границе с шорцами Шалы⁵а называют—„үрген äзі“. В других местах он известен под названием „Сары-шаалы⁵“ (кумандинцы и челканцы), „чарты Шаалы⁵“, (шорцы—рода челей), „Сары⁵-ан“ (роды: чабат, оро куманды; шелканцы, тубалары). В одной из легенд, записанных Новиковым у кумандинцев, говорится, что „үрген“, которому „шаалы⁵“ приходится внуком, послал его к людям, чтобы он жил у них в переднем углу избы и оберегал бы от злых духов,

1) По сообщению И. Д. Старынкевич, шорцы улуса Кечин, перед охотой камлают „тай⁵бам“. На стену, в избе, вешают ружье; Кам (шаман) брызгает на него оберткой.

помогал бы охоте и способствовал бы общему благополучию. Сары шаалыб помогает так же при лечении глаз. Если его прогневить, он хватает охотников за половые органы и наказывает спинной болью. По другим менее распространенным версиям Шаалыб племянник или даже младший сын үлген'я и живет на восходе солнца. Шаалыб ведаёт всей дичью тайги. Охотники нередко отвлекают его внимание от зверей сказками. Шаалыб невидимым образом сопровождает охотников в тайге. Кумандинцы выстроив охотничий шалаш делают жидкую ячменную кашу (без соли) и бросают ее на дерево, под которым устроен шалаш. Эта каша предназначается Шаалыб'у. При этом говорят, например:

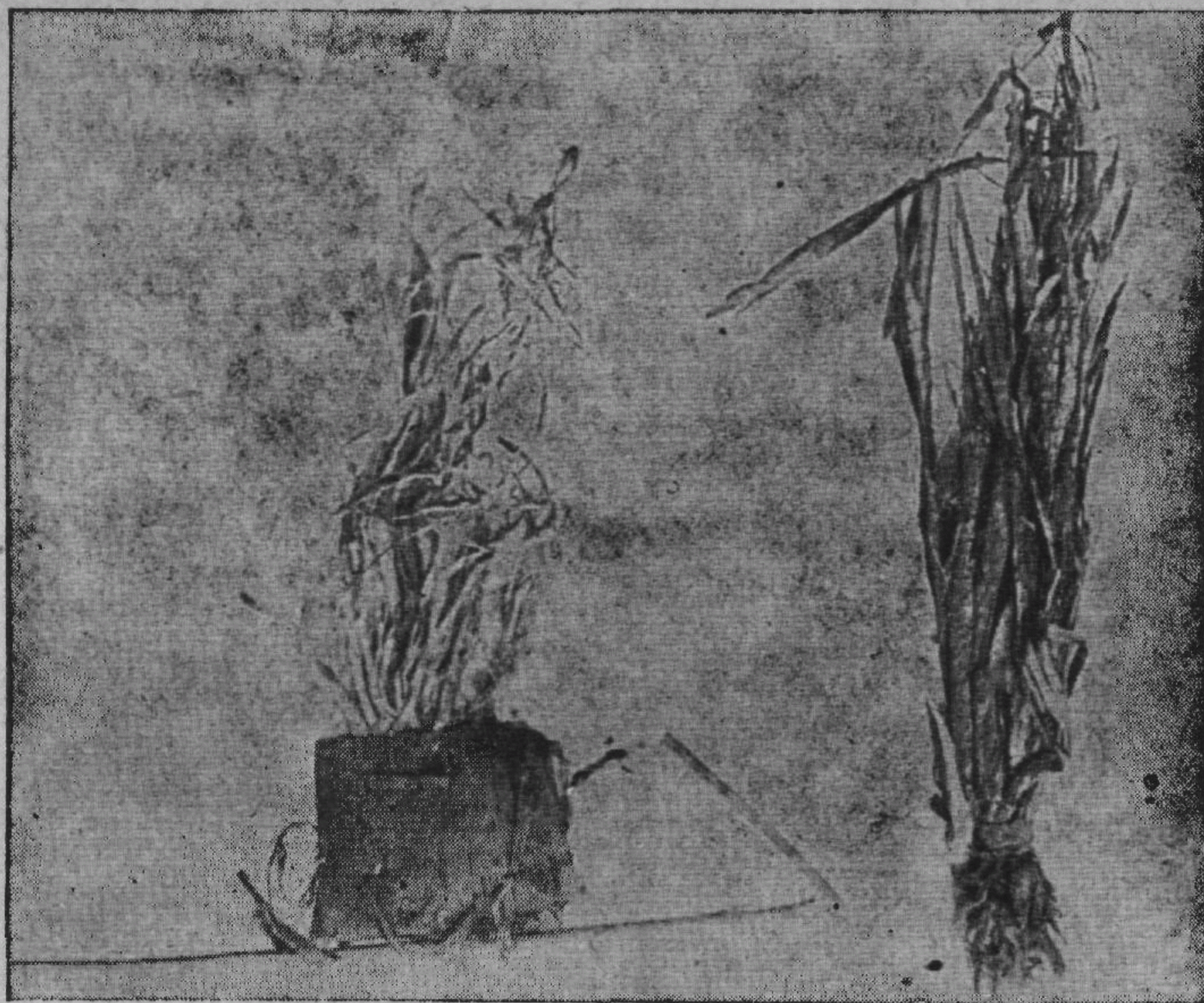
Чок, чока болзын сөөнтүр! — Чока, чок, будь радостный!
Чок, чока болза ментүр — Чок, чок, смилостивься, успокойся!

Внешность „Шаалыб'е“ мало отличается от внешности Шаныр'а — у тубаларов или „ежік әзі“ — у шорцев рода Челей: с бородой из желтой белки, с костылем из желтой акации, с тонкой вихляющейся поясницей, без ляжек—ковыляющий и т. д.

В качестве образца обращения к Шаалыб'у приведем отрывок из молитвы читаемой до выхода на промысел (записана А. Новиковым):

Сары шапкын тајактыб	— С посохом из желтой акации
Сарыбан піјім!	— Сарыбан начальник мой!
Оң көсүң көрөрсіме	— Посмотришь ли правым (справедливым) глазом
Оң жарбан берерсіме	— Даешь ли твое правое решение
Екі корба абыр болор ба?	— Два ровесника (лыжи) будут ли благополучны,
Жалбак шаным жарыш тарып	— Мои широкие лыжи состязавшись (в беге)
Таш ошок тајкыл болор ба?	— Каменный очаг скользкий будет ли?
Талкын кү! сообыс болор ба?	— Таловая зола остывшая будет ли?
Ас тајка арыб үлеш јајып берерсіме	— Малая тайга чистую долю сотворивши даст ли?

Заканчивая очерк, отмечаем, что охотничьи покровители тайги, несмотря на разнообразие названий все же обнаруживают близкое сходство и единство происхождения.

Фиг. 1

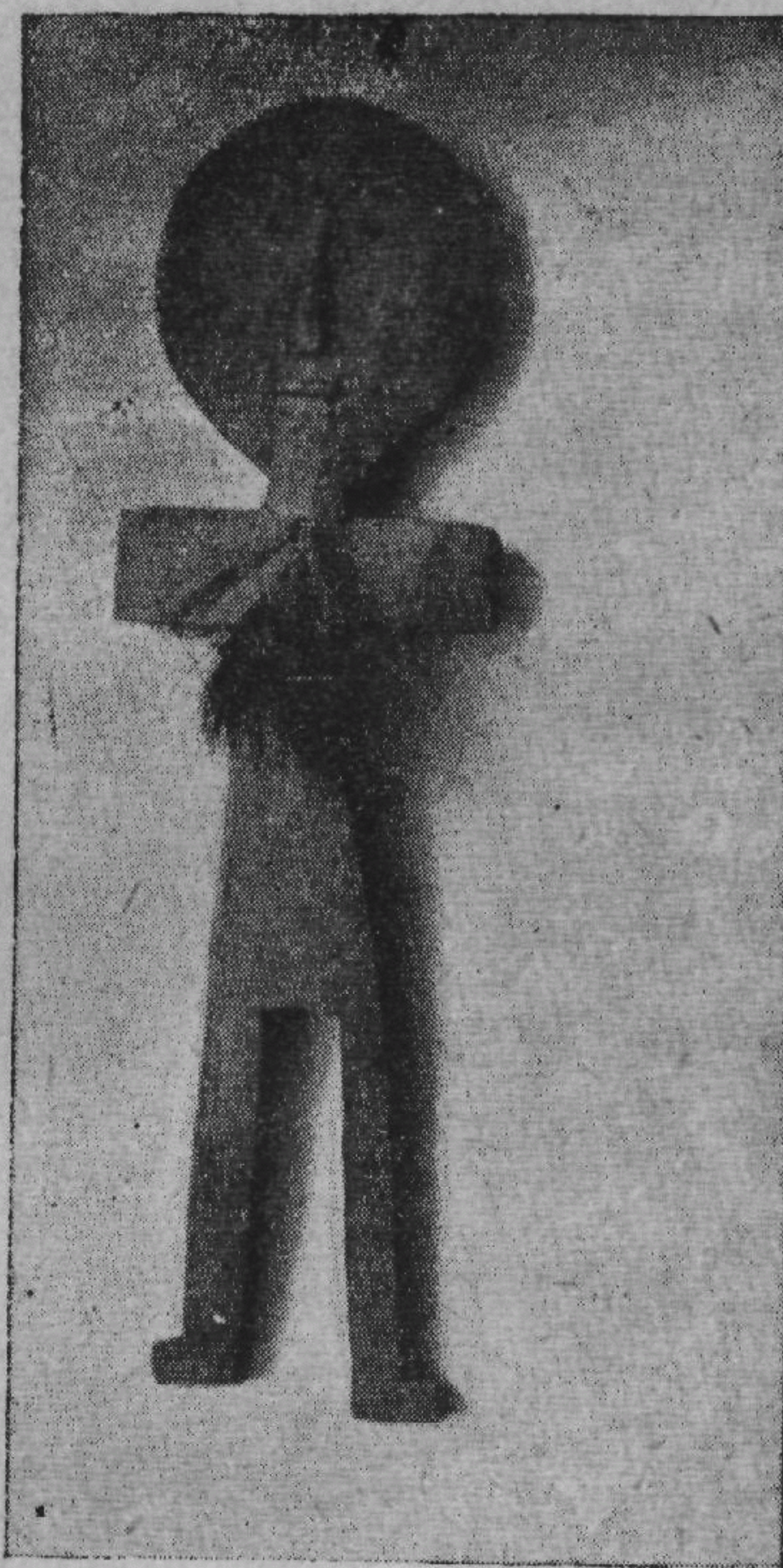
Фиг. 2

фиг. 3

Фиг. 5

Фиг. 4